

Наталья Апрельская

Поэт. Родилась в 1966 году в Ленинграде. Закончила ЛГИК им. Н. К. Крупской, библиотечно-библиографический факультет. Лауреат премии А. К. Толстого в номинации «Поэзия» (2020). Член Союза писателей России. Автор десяти поэтических книг. Стихи переводились на сербский язык. Активно публикуется в периодических изданиях и коллективных сборниках и антологиях, занимается редактированием.

Мое коммунальное детство, или Под игом бабушки

Историческая справка

У нас в Петербурге многие до сих пор живут в «чуде социалистических преобразований общества» — коммунальных квартирах. Подобные квартиры до сих пор бывают многонаселенными и малонаселенными. Вторые, естественно, приятнее. Хотя все зависит от соседей, обитающих там. Может быть всего один сосед, но — настоящий коммунальный монстр. А могут быть несколько приличных товарищей, каждый из которых становится почти другом или членом твоей семьи. Второе бывает редко, скорее, как что-то исключительное, достойное увековечивания в кинематографе (вспомните фильм «Покровские ворота»).

Мне тоже довелось пожить в коммунальной квартире, но в силу возраста (с двух недель от роду до четырнадцати лет, 1966-1980 гг.) я не могла полностью оценить всю уникальность и неповторимость коммунальной жизни. Я жила в своем собственном мире, в своих фантазиях, в которых не было места ни коммунальным дрязгам, ни бытовым проблемам, ни ощущению какой-то жилищной ущербности.

Сейчас, спустя много лет, я иногда вспоминаю те годы, и мне становится скорее смешно, чем грустно. Детство прекрасно тем, что не всегда воспринимает негатив взрослой жизни.

Наша коммуналка располагалась на последнем, 6-ом этаже дома с лифтом, на Большой Пушкарской улице. Парадная была примечательна тем, что на пятом этаже, ровно под нашей коммуналкой, находилась шикарная отдельная квартира, в которой когда-то жил сам Д. Д. Шостакович. По бабушкиным воспоминаниям, из его квартиры ей была презентована оттоманка, чтобы она могла хоть на чем-то спать в своей совершенно пустой комнате, ордер на которую получила сразу после войны. Если честно, я не знаю почему бабушка с мамой не вернулись в свою довоенную коммунальную квартиру на Зверинской улице.

СССР местного масштаба

Итак, в коммуналке моего детства, кроме нашей комнаты, было еще четыре. Читая в учебниках о дружбе народов и о многонациональности СССР, я всегда мысленно представляла нашу квартиру. Действительно, кроме меня с бабушкой, в каждой комнате обитали представители разных национальностей, в основном, как в Ноевом Ковчеге, парами: муж и жена. Украинцы, татары, белорусы и евреи. Последние являли собой исключение, будучи двумя родными сестрами, а не супругами.

Никаких ущемлений интересов в бытовом плане по национальному признаку не было, по крайней мере, явного. Кулуарно же комнаты наверняка перешептывались, в полной безопасности от чужих ушей, о тех или иных недостатках соседей, ставя на первое место их национальные особенности. Но на виду каждый старался соответствовать достойному образу советского человека.

Бытовые удовольствия

На все население квартиры было два туалета, что являлось признаком положительной исключительности, и одна ванная, что тоже было немаловажным достоинством: до сих пор существуют коммуналки, в которых ванн нет вообще.

Поскольку комнат было всего пять, «банные дни» были строго поделены между проживающими: с понедельника по пятницу. Нашим днем был вторник. Это означало, что мыться и устраивать стирку мы могли только в этот день недели. В другие дни нужно было выпрашивать разрешения того соседа, который являлся хозяином ванны на данные сутки. Выходные дни были неприкосновенны: надолго занимать помещение никому не позволялось — как я предполагала в детстве, потому что должны быть и у ванной дни отдыха.

Слышимость между комнатами была хорошая. Мое пианино с обратной стороны занавешивалось толстым одеялом, призванным уменьшать силу исходящих звуков, раздражавших соседку Нину Михайловну. Ей же совершенно беспрепятственно разрешалось цокать каблуками с утра до вечера по коридорам, сообщая о своей траектории движения по квартире.

Зато я могла, приложив ухо к стене, наслаждаться прослушиванием мультфильмов, шедших по телевизору в комнате Нины Михайловны: дома мне их смотреть удавалось редко, благодаря суровой бабушкиной заботе: «Чтобы не испортила зрение!» Да и телевизор у нас был допотопный — «Сигнал». Просмотру дозволенных бабушкой программ порой мешали жуткие поперечные полосы на экране, временно исчезавшие после удара кулаком по верхней части корпуса. Кроме мультфильмов, мне разрешалось смотреть «В мире животных» — визуальное продолжение журнала «Юный натуралист», который мне выписывали, воскресную программу «Будильник» — тихо-тихо, чтоб не мешала досыпать бабушке, «Кабачок "13 стульев"», потому что его обожала бабушка, и некоторые советские фильмы, которые, к сожалению, тоже обычно выбирались не мной.

Комната Нины Михайловны манила, как сказочная пещера. Когда дверь в нее была приоткрыта, и я случайно оказывалась рядом, то видела постоянный бордовый полумрак: это старинный абажур с кистями дарил жилищу такой глубокий таинственный оттенок. От чего по потолку комнаты иногда пробежали разноцветные блики, я в детстве понять так и не сумела. В гости к Нине Михайловне я попадала крайне редко — бабушка зорко следила за попытками проникновения к соседям («Лишние проблемы нам не нужны: мало ли что...»). Все, что мне оставалось — вдыхать запах шоколадных конфет из «волшебной пещеры». Кстати, конфет мне тоже почти не перепадало.

К коммунальному телефону бабушка не подпускала меня практически никогда. Сначала ради экономии, потом — просто по инерции. Когда мне случайно или по недоразумению кто-то звонил, бабуля тут же выходила следом в коридор, и стояла аки Цербер, контролируя, сколько минут и о чем я говорю. Если, по ее мнению, лимит слов и времени был превышен, она молча нажимала на рычажок, невзирая на незавершенность моего разговора, и мы с собеседником прерывались на полуслове.

Похитительница конфет

Моя бабуля, несмотря на субтильную внешность, по характеру была железной. Если она не запланировала покупку шоколадки для люби-

мой внучки, можно было умереть в магазине, но все равно ничего не добиться. В минуты лояльности она покупала конфеты, грамм по сто-двести, не больше, и, чтобы внучка не объелась и не покрылась диатезом, прятала их в кладовку. Не всем соседям повезло иметь, кроме комнаты, еще и махонькую кладовочку, метр на метр, с дверью, закрывающейся на ключ.

Всякий раз, когда конфеты были куплены, я напряженно следила за бабулей: куда она спрячет ключ на этот раз? Привычных мест было несколько, начиная от кармана ее халата и заканчивая старым саквояжем, стоявшим под кроватью. Вычислив или заметив, куда ключ от кладовки с конфетами исчез на этот раз, я хватала его в тот момент, когда моя любящая бабушка возилась на кухне, и мигом бежала к заветной двери. Все занимало пару минут: главное — прислушиваться, чтобы она внезапно не покинула кухню и не отправилась в комнату мимо кладовки. Конфетный финал был предопределен: за день-два я съедала все запасы, получала очередной строгий выговор и оставалась без лакомства на несколько дней. Затем все повторялось по новой: бабулина фантазия не отличалась особым разнообразием.

Злополучная кукла

Однажды, лет в семь, я «лечила» дорогую немецкую куклу и измазала ее зеленкой. До этого много раз делала ей уколы, но они были незаметны. А тут — зеленка: яркие пятна по всему куклиному лицу и туловищу.

Бабушка никогда на меня не кричала, и уж тем более не наказывала. Но тут ее реакция оказалась неожиданно бурной: как будто я саму бабушку измазала неотмывающейся зеленкой.

Такого крика я не слышала от нее даже в моменты скандалов с соседями. От страха я выскочила в ванную, но закрыть дверь на крюк не успела. Бабуля влетела следом. Я ждала буквально физической расправы. Потрясая куклой, задыхаясь, брызжа слюной и топая ногами, видимо, уже по инерции, так как бежать в ванной было некуда, она высказала самое страшное ругательство в мой адрес, на которое была способна в тот момент: «Ах ты чертова кукла!» И повторила это несколько раз. После чего переключилась на причину всего случившегося: кукла была подвергнута срочному отмыванию. Но тщетно: зеленка моментально впилась в пористое туловище из немецкой резины так же сильно, как вся эта история, — в меня.

В те годы достать импортную куклу было делом весьма хлопотным и дорогим.

Коммунальные баталии и мои уроки

Иногда случались дикие скандалы между соседями. В их причины я старалась не вникать, да и понять их было сложно: они вытекали одна из другой, порождая новые эмоции и новых виновников.

Я понимала, что происходит очередной скандал, по визгу и крику, доносившимся из коридора. В необъяснимом внутреннем напряжении ожидала финала, сидя в комнате. Коммунальное «кровопролитие» волновало меня из-за родственной солидарности с бабулей.

Обычно баталия продолжалась недолго. Кто выходил победителем, сказать трудно, но поскольку мою бабулю многие недолюбливали, думаю, что ей везло редко: устоять одной против пары-тройки разъяренных соседей достаточно непросто.

Бабушка возвращалась в комнату вся красная, тут же пила какие-то вонючие капли и ложилась на оттоманку — ту самую, из квартиры Шо-стаковича. Слово «оттоманка» всегда в детстве ассоциировалось у меня с толстым атаманом, который в свою очередь ассоциировался с казаком из пословицы «От чего казак гладок — поел да набок». В моих фантазиях казак, ложась на бок на оттоманку, становился атаманом... Этот смысловой ряд я отчетливо помню до сих пор. Бабушка была мелкой и сухонькой, поэтому с казаком не совпадала по весу и габаритам. Но с ее характером вполне могла бы стать атаманшей.

Минут через пять-десять бабуля вскакивала, полная решимости либо продолжать бой с соседями, либо взяться за меня с уроками. Обычно она останавливалась на последнем. Ее вопрос тоном человека, заведомо уверенного в том, что меня всегда есть в чем уличить: «Ты делаешь уроки?», до сих пор бросает меня в дрожь.

Уроки я делать не любила: они мешали мне фантазировать и сочинять рассказы, и вообще мешали жить, как и школа в целом. Бабушка это знала и, чтобы не посещать школу слишком часто по приглашению учителей, преимущественно физики, математики или химии, пыталась дома контролировать мои уроки. Пока ее знаний хватало, она проверяла сделанное мной, но за годы учебы ее это утомило, да и возраст брал свое, поэтому она довольствовалась лишь видом моей головы, склоненной к тетради или книге.

Я ее обманывала почем зря. Часто книга или тетрадь к школе не имели никакого отношения, но омерзительное регулярное осведомление о состоянии моих уроков все равно доводило меня до невроза. Занимаясь интересными и нужными вещами, вроде ведения личного дневника, сочинения рассказа или стихотворения, чтения любимой книжки, наконец, я находилась в постоянной готовности убрать все при прибли-

жении бабушки к комнате. Поэтому со временем при звуке открываемой двери у меня непроизвольно дергались уши от внутреннего напряжения. Заметно ли это было внешне — не знаю.

Ночные развлечения

Ночной сон не всегда был сладок — иногда приходилось ловить клопов.

Несмотря на регулярные опрыскивания хлорофосом потенциальных клоповых мест обитания, эти плоскотелые кровожадные твари все же обитали в квартире, видимо, переползая от одних соседей к другим.

Охотиться на них нужно было исключительно ночами, когда насекомые направлялись к спящей жертве. Вдруг среди ночи включался весь свет, и я, сонная, лицезрела полуголую бабулю с очками на носу, пристально разглядывающую стены вокруг наших кроватей. На светлых обоях темные точки ползущих или сидящих тварей были легко различимы. Всякий раз, прижав кровопийцу к стене с помощью мокрого слюнявого пальца, бабушка искренне радовалась, как мститель, убивший хитрого и зловредного паразита.

Поимка клопов мне не доверялась: по словам бабули, у меня не было навыка и сноровки. Я особенно не возражала, и только страдала от хронического недосыпа. Первые два урока в школе ничего не соображала и плохо видела из-за слезящихся глаз.

Общение с соседями

С соседями мне общаться почти не приходилось: бабуля ограждала меня от любого выхода «в свет», то есть на кухню, до которой от комнаты нужно было пройти почти через всю квартиру. Это был долгий маршрут, означавший, что по пути следования у меня будет возможность сделать что-либо недозволенное и нежелательное: испачкать стены, намусорить, пошуметь, задеть чью-то обувь и одежду, сунуть нос в чужую комнату и т. д.

Помню лишь одного соседа, жилистого и сухого татарина Михаила Ивановича, с которым у меня, невзирая на все бабушкины усилия, сложились дружеские отношения. Я даже могла себе позволить повизжать, играя с ним в коридоре.

Однажды, лет пяти, я спутала — сзади, со спины — доброго соседа с другим, недобрым, и попыталась повизжать ему в ухо. Моя реакция, когда я увидела, что ошиблась, была сродни реакции цыпленка из стихотворения Хармса в детской книжке. Там два птенца, гуляя в саду, нашли в траве червяка и дружно стали его тянуть. Однако «червяк» оказал-

ся хвостом здоровой крысы, которая выскочила на них с оскаленной пастью! Помню до сих пор:

Мы с братом гуляли в соседнем дворе
И вдруг червяка увидали в траве.
«Хватай его клювом!» — я брату велел.
Мы оба схватили и... Ох! —
Мой брат на мгновенье слегка окривел,
А я моментально оглох!

Вот и мне в тот момент показалось, что вся квартира закружилась вокруг меня!

Я пришла в себя нескоро и еще долго сидела с ногами на «атаманской» оттоманке, съезжившись между спинкой и боковым тюфяком, ощущая и впитывая обволакивающую защитную энергетiku.